

«Заманчиво понимать и трудно толковать»:  
С.С. Аверинцев – исследователь творчества  
О. Мандельштама

Лилия Б. Брусиловская

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, ikond@mail.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена осмыслению и анализу творчества О. Мандельштама в трудах С.С. Аверинцева. С самых ранних лет жизни Аверинцева поэзия Мандельштама занимала особую роль в формировании его литературного вкуса и становлении его научных интересов. Уже в первых своих публикациях о поэте Аверинцев формулирует основные принципы мандельштамовской поэтики, которым остался верен до конца: Мандельштам всегда искал противоречий, намеренного столкновения «да» и «нет», ибо именно в этом смысловом пространстве и рождается подлинное искусство. Очень важным для Аверинцева представлялось сопоставление поэзии Мандельштама с поэзией одновременно ближайшего к нему и противоположного ему Пастернака, определяя поэтику Мандельштама как «замкнутую», а поэтику Пастернака как «разомкнутую». Однако, осмысляя попытку обоих поэтов стать «созвучным эпохе», Аверинцев не без удовлетворения отмечает, что эта попытка им обоим не удалась. В статье показано, что исследование С. Аверинцевым творчества О. Мандельштама выходит далеко за рамки филологической науки и поднимается на уровень культурфилософских обобщений о судьбах культуры, мира и человека в нем.

*Ключевые слова:* русская литература, мировая культура, О. Мандельштам, Б. Пастернак, судьба художника, сравнительная характеристика поэзии

*Для цитирования:* Брусиловская Л.Б. «Заманчиво понимать и трудно толковать»: С.С. Аверинцев – исследователь творчества О. Мандельштама // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 7. Ч. 2. С. 179–187. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-179-187

“It is tempting to understand and difficult to interpret”.  
S.S. Averintsev – researcher of O. Mandelstam’s creativity

Liliya B. Brusilovskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,*

*ikond@mail.ru*

*Abstract.* The article is devoted to the comprehension and analysis of O. Mandelstam’s creativity in the works of S.S. Averintsev. From the earliest years of Averintsev’s life, Mandelstam’s poetry played a special role in the formation of his literary taste and the formation of his scientific interests. Already in his very first publications about the poet, Averintsev formulates the basic principles of Mandelstam’s poetics, to which he remained faithful to the end: Mandelstam was always looking for contradictions, a deliberate collision of “yes” and “no”, because it is in this semantic space that genuine art is born. It was very important for Averintsev to compare Mandelstam’s poetry with the poetry of B. Pasternak, who was both closest to him and opposite to him, defining Mandelstam’s poetics as “closed”, and Pasternak’s poetics as “open”. However, reflecting on the attempt of both poets to become “consonant with the epoch”, Averintsev, not without satisfaction, notes that this attempt failed for both of them. The article shows that S. Averintsev’s research of O. Mandelstam’s creativity goes far beyond philological science and rises to the level of cultural and philosophical generalizations about the fate of culture, the world and man in it.

*Keywords:* Russian literature, world culture, O. Mandelstam, B. Pasternak, the fate of the artist, comparative characteristics of the poetry

*For citation:* Brusilovskaya, L.B. (2023), “ ‘It is tempting to understand and difficult to interpret’. S.S. Averintsev – researcher of O. Mandelstam’s creativity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies” Series*, no. 7, part 2, pp. 179–187, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-179-187

## *Введение*

Всем, кто знаком с творчеством Сергея Сергеевича Аверинцева, вероятно, известно, что одним из самых любимых его поэтов был Осип Мандельштам. В конце 1980-х гг. ученый античник, византист стал всерьез изучать творчество Мандельштама и публиковать свои первые мандельштамоведческие труды: в перестроечном журнале «Новый мир» он участвует в публикации «Последние творческие годы: Стихи. Письма. Воспоминания о поэте», где

пишет «Вместо послесловия»<sup>1</sup>. После этого начался поток знаковых аверинцевских публикаций о поэте. Он отвечает на анкету журнала «Вестник Русского христианского движения»<sup>2</sup>, публикует статью «Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления» [Аверинцев 1990а, с. 213–217], участвует в подготовке худлитовского («черного») двухтомника произведений Мандельштама, для которого он пишет свою ключевую статью «Судьба и весть Осипа Мандельштама» [Аверинцев 1990б, с. 5–64].

В январе 1991 г. Аверинцев стал первым председателем международного Мандельштамовского общества, только что созданного при Российском государственном гуманитарном университете, которым оставался до конца своих дней. В это же время он стал сотрудником Института высших гуманитарных исследований РГГУ. В 2011 г. издательство РГГУ при участии Мандельштамовского общества и Кабинета мандельштамоведения (так в то время именовалась лаборатория мандельштамоведения) издало сборник «Аверинцев и Мандельштам», в котором были представлены большая часть работ Аверинцева о поэте и воспоминания коллег об Аверинцеве [Аверинцев 2011]. В настоящее время в РГГУ работает учебно-научная лаборатория мандельштамоведения Института филологии и истории, которая восходит в своих истоках к тому Мандельштамовскому обществу, которое возглавлял тогда С.С. Аверинцев, хранит и развивает его методологические искания.

### *С. Аверинцев – читатель Мандельштама*

Интерес к творчеству О. Мандельштама зародился у С.С. Аверинцева давно. Один из соучредителей Мандельштамовского общества Ю.Л. Фрейдин вспоминал, как Аверинцев вместе со своей мамой Наталией Васильевной посетил вдову поэта Надежду Яковлевну Мандельштам для того, чтобы вручить ей свою первую книгу «Плутарх и античная биография» (М., 1973) с трогательной дарственной надписью: «Дорогой и многоуважаемой Надежде Яковлевне ненужную книжку с рожей на обложке с поклоном кладет в руки С.А.». «Сережа» – так называла Аверинцева

---

<sup>1</sup> Аверинцев С.С. Осип Мандельштам: последние творческие годы: Стихи. Письма. Воспоминания о поэте // Новый мир. 1987. № 10. С. 234–236.

<sup>2</sup> Аверинцев С.С. Ответ на анкету журнала «Вестник Русского христианского движения» // Вестник Русского христианского движения [Париж; Нью-Йорк; Москва], 1990. № 160. С. 187–191.

Н.Я. Мандельштам, хорошо знавшая его еще раньше<sup>3</sup>. Позднее Аверинцев напишет рецензию на книги Н.Я. Мандельштам, названную мандельштамовской строкой – «Были очи острее точимой косы...»<sup>4</sup>.

В своей первой публикации о поэте 1987 г. Аверинцев задумался над смыслом трудной поэзии Мандельштама и сформулировал важнейшие принципы ее понимания, которым в дальнейшем оставался верен. «Мандельштам всегда искал противоречий, так сказать, большой мощности: они были источником энергии для его стихов. <...> Столкновения “да” и “нет”, перепады жара и холода – единственное, что спасает бытие от энтропии, форму от хаоса, поскольку выравнивание температуры, приведение всего сущего к безличной теплоте, не горячей и не холодной (уж не той ли, которая проклята в Апокалипсисе?), есть согласно второму началу термодинамики “тепловая смерть вселенной» [Аверинцев 2011, с. 20–21].

«Да, поэт назвал себя смысловиком, – продолжает Аверинцев, – но он же сказал о “блаженном, бессмысленном слове”, и очевидно, что иррациональное начало в его поэзии не может быть сведено на нет никаким умным исследованием. <...> И установка “смысловика”, и жизнь “блаженного бессмысленного слова” остаются, оспаривая друг друга, просвечивая друг сквозь друга, неожиданно меняясь местами». Аверинцев здесь вспоминает высказывание П. Верлена («тень которого лежала на рождении поэзии Мандельштама», по выражению Аверинцева), а именно пожелание, чтоб в стихах «точное сопрягалось с неопределенным». «Читатель Мандельштама не раз встретит это взаимопроникновение “точного” и “неопределенного”, сказанного и несказанного, – продолжает Аверинцев. – Поэтому его стихи так заманчиво понимать – и так трудно толковать» [Аверинцев 2011, с. 22].

«Что во всем этом отличает Мандельштама от всесветного типа поэта нашего столетия (имеется в виду XX век. – Л. Б.), так это острое напряжение между началом смысла и «темнотами», – заключает свои парадоксальные наблюдения Аверинцев. – Это не беспроблемный симбиоз, в котором эксцессы рассудочности мирно уживаются с эксцессами антиинтеллектуализма. Это действительно противоречие, которое “остается глубоким, как есть”, – и должно таковым оставаться в любой интерпретации. Противоречие не

<sup>3</sup> Фрейдин Ю.Л. Воспоминания о С.С. Аверинцеве // Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы / Под ред. Д.Н. Мамедовой. М.: РГГУ, 2011. С. 183. (Записки Мандельштамовского общества; вып. 17)

<sup>4</sup> Аверинцев С.С. «Были очи острее точимой косы...» [О книгах Н.Я. Мандельштам] // Новый мир. 1991. № 1. С. 237–242.

оставляет места для самодовольства, совершенно исключаемого тютчевской традицией» [Аверинцев 2011, с. 22–23].

Отвечая на вопрос журнала «Вестник Русского христианского движения»: «Какое место занимает О. Мандельштам в Вашем пантеоне русских поэтов XX века? В Вашей личной жизни?» – Аверинцев ответил очень своеобразно. Возражая против употребления понятия «пантеон» применительно к Мандельштаму, Аверинцев заметил, что «в слове “пантеон” есть некая статуарная импозантность, а Мандельштам видел себя как собрата Виллона (Ф. Вийона. – Л. Б.), как жаворонка, не перестающего звенеть “пред самой кончиною мира”» [Аверинцев 2011, с. 26].

Характеризуя же русских поэтов XX в., Аверинцев формулирует свои критерии их сравнительной оценки: «По существу же дело определяется для меня, во-первых, тем, что я верю в объективную исключительность ранга Мандельштама, Пастернака, Ахматовой и Цветаевой среди русских поэтов их поколения – не трех и не пяти, а именно четырех; а во-вторых, тем, что из этих четырех Мандельштам – для меня лично самый близкий, потому самый точный». И далее – сакральный, даже мистический смысл этого выбора: «Чарльз Уильямс сказал: “Аду свойственна неточность”. Соответственно точность – оружие против ада. Сосредоточенность на субстанциальных признаках, на объективном. Я бы сказал – аналог “феноменологической редукции”» [Аверинцев 2011, с. 26]. «Не ребус, не тайнопись – а музыка, – заключает Аверинцев. – Без взаимоупора, без играющего спора двух видов точности – логической и музыкальной – мандельштамовская поэзия немислима» [Аверинцев 2011, с. 27].

### *Мандельштам и Пастернак*

Важным для Аверинцева становится сравнение поэзии Мандельштама с поэзией ближайшего к нему и в то же время противоположного ему Пастернака, «парного» ему в четверке великих русских поэтов (так же, как «парными» друг другу оказываются Ахматова и Цветаева). Отталкиваясь от «старинной богословской терминологии», Аверинцев напоминает, что христианская традиция учит, что есть два пути познания Бога: катафатическое богословие и богословие апофатическое. «В первом случае к Богу восходят от вещей в совокупности признаков последних, во втором – через последовательное отрицание признаков и столь же последовательное отрешение от вещиности. Пастернак ближе к первому; Мандельштам ближе ко второму, и потому его собственное

мастерство так часто приходится характеризовать, выстраивая цепочку отрицаний. Физическое ощущение от Пастернака – густота, от Мандельштама разреженность» [Аверинцев 2011, с. 30–31].

«...Мандельштамовская поэзия, – подчеркивает Аверинцев, – тяготеет к выделению признаков, которые на языке традиции аристотелизма именуются “субстанциональными”, сущностными, к отсечению случайных “акциденций”. Напротив, символ веры Пастернака – уравнивание случайного с сущностным: “Чем случайней, тем вернее”. <...> Дистанция между бытом и бытием у Пастернака до конца упразднена; не просто обиход, но, что особенно трудно для поэзии, интеллигентский обиход, например консерваторский, <...> становится у него равноправной составляющей лирической темы» [Аверинцев 2011, с. 31–32]. У Пастернака, замечает Аверинцев, «иерархия, выделяющая человеческое среди мира вещей, упразднена». «Мандельштамовская поэзия ищет отвлечения от вещей и смотрит на них всегда издали, с рассеянным удивлением. Ее торжественность не относится ни к вещам, ни к себе самой; ее можно отнести только к бытию как таковому, “абстрактному бытию”, постижимому лишь через отказ от конкретного <...>. У Пастернака, напротив, взгляд из близи, до полного погружения в вещи» [Аверинцев 2011, с. 32–33].

«Стих Пастернака – поток, управляемый законами динамики, а потому исключая симметрию и равномерность, движение возрастает, и этот переход потенциальной энергии в кинетическую мы ощущаем к концу каждой строки. Рифма – звучный разряд этой энергии». «Напротив, Мандельштаму важно как раз сдерживать движение потока – ради создания молчащей апофатической ниши в самом его средоточии. Поэтому его стих живет статикой, равновесием. И потому <...> никаких рифменных взрывов». И далее ученый констатирует «замкнутость мандельштамовской и разомкнутость пастернаковской поэтики», особенно отчетливо выражающиеся «в употреблении имен собственных» [Аверинцев 2011, с. 34].

Так, у Пастернака «имя собственное приравнено к имени нарицательному, или, может быть, напротив, имя нарицательное возведено в ранг имени собственного; ибо всякий предмет у Пастернака живет, пользуясь терминологией Бубера, в «мире я-и-ты», не в «мире я-и-оно» [Аверинцев 2011, с. 35]. «Такому “мирскому” обращению (у Пастернака. – Л. Б.) подвергнуты и сакральные имена» (Иисус, Мария Магдалина – в одном ряду с Чайковским, Паоло и Франческой) [Аверинцев 2011, с. 34].

«Полный контраст пастернаковскому подходу – стремление Мандельштама табуировать или ритуализовать введение имени собственного. Основа мандельштамовской поэтики – ветхозавет-

ное представление о непроеизносимом имени Божия все» (в раннем стихотворении о Голгофе Иисус остается неназванным, – лишь местоимение «Он»). «Напротив, у Пастернака имя собственное предстает как частный случай того вполне непринужденного достоинства, которым обладает любое слово. В этой демократии слов состояния упразднены» [Аверинцев 2011, с. 35].

В заключение своего сопоставления поэзии и поэтики Мандельштама и Пастернака (почти во всем противоположных) Аверинцев обращается к осмыслению попыток обоих поэтов «стать, что называется, созвучными своей эпохе. Глубоко утешительно, что попытки эти в обоих случаях не удались. Связность, цельность поэтического взгляда на вещи продолжает держать оборону и тогда, когда поэт как биографический персонаж пытается совершить ошибку. Сама поэзия ему этого не позволяет».

### *Судьба и весть*

«Мандельштама спасает глубоко присущая ему установка на дистанцию, на взгляд издали. В своей “Оде Сталину” он словно бы каталогизирует мотивы сталинистской мифологии, наподобие того, как можно было поступить с мифами цивилизации, окончившей свое бытие тысячи лет тому назад (например, как писал он сам о египтянах и ассирийцах). Пастернак сделал нечто противоположное: он предпринял попытку еще раз обратиться к “ты”, к партнеру в диалоге, окликнуть с одного полюса мироздания – другой полюс» [Аверинцев 2011, с. 35]. Аверинцев остроумно, не исключая при этом трагической интонации, материализует «метафору провода»: во время знаменитого телефонного разговора поэта с вождем связь внезапно оборвалась. Обнаружилось, что «на другом конце провода... нет собеседника. Что обращаться не к кому. Что у всемогущего носителя власти отнята данная самому последнему из людей способность: ответить на слово в разговоре» [Аверинцев 2011, с. 36]. Бог как бы наказал наивного поэта – внезапной глухотой, а вождя – немотой. Первый остался услышанным, но безответным; другой вообще отказался от диалога с поэтом.

В главной статье Аверинцева о Мандельштаме, сначала бывшей развернутым введением в творчество Мандельштама – поэта и прозаика в двухтомнике 1990 г., а в переработанном виде – в монографическом сборнике Аверинцева «Поэты» (1996) важнее всего ее символическое название – «Судьба и весть». «Судьба» – это поэтически возвышенная и трагически обреченная творческая жизнь поэта и человека. «Весть» – это прорыв художника и мыслителя

в вечность и бессмертие, это провидческая способность великого и как бы трансцендентного вестника представлять и раскрывать своим современникам и потомкам неясное для них будущее.

Не менее символичен эпизод в «судьбе и вести» Мандельштама, блистательно разобранный Аверинцевым в этой статье, аккумулировавшей многие прежние идеи и интуитивные прозрения ученого. Он рассказывает, как поэт подарил свой последний прижизненный сборник «Стихотворения» (1928), вышедший благодаря стараниям самого «мягкого» и «интеллигентного» из вождей русского коммунизма – Н. Бухарина, который в это же время санкционировал смертный приговор пяти банковским чиновникам (вина которых, впрочем, вовсе не была доказана). На посланном вождю сборнике Мандельштам сделал надпись: «Каждая строчка этих стихотворений говорит против того, что вы намереваетесь сделать» [Аверинцев 2011, с. 96]. Аверинцев не случайно призывает читателей задуматься над этой надписью. Ведь она не только аналогична пушкинской строке: «И милость к падшим призывал»; не только выражает поэтическую веру в то, что «поэзия не может дышать воздухом казней» и «составлять с ним одно целое» [Аверинцев 2011, с. 96], но и заявляет, что подлинная поэзия несовместима с тоталитарным строем и его деяниями, что она вопиет всеми своими клеточками против него, – даже в том случае, когда тоталитаризм маскируется под гуманизм. Эта надпись стала (неведомо для самого автора) грозной вестью о грядущей трагической судьбе, вскоре постигшей и незадачливого «вождя», пытавшегося соединить «воздух казней» и «дыхание поэзии», и проницательного поэта, не могущего уклониться от своей и общей губительной судьбы.

## *Заключение*

Исследование творчества Мандельштама С.С. Аверинцевым, соединявшего в себе филологию и философию, богословие и поэтическое воображение, позволило ему не только осознать глубинное содержание наивысших достижений русской поэзии XX в., но и поставить перед своими читателями наиболее острые и трудные проблемы бытия, поднятые поэтом ценой своей жизни. Как любил повторять С.С. Аверинцев, «поэтому Мандельштам так заманчиво понимать – и так трудно толковать» (Аверинцев 2011, с. 114). Научное исследование поэзии Мандельштама вышло за рамки филологической науки и стало культурфилософским откровением мыслителя, размышляющего о судьбах и миссии культуры в «большом времени».

## Литература

---

- Аверинцев 1990а – *Аверинцев С.С.* Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // Известия АН СССР. Сер. «Литература и язык». 1990. № 3. С. 213–217.
- Аверинцев 1990б – *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–64.
- Аверинцев 2011 – Аверинцев и Мандельштам: статьи и материалы / Под ред. Д.Н. Мамедовой. М.: РГГУ, 2011. 311 с. (Записки Мандельштамовского общества; вып. 17)

## References

---

- Averintsev, S.S. (1990a), “Pasternak and Mandelstam. The experience of comparison”, *Bulletin of the Russian academy of Sciences: Studies in language and literature*, no. 3, pp. 213–217.
- Averintsev, S.S. (1990b), “The fate and message of Osip Mandelstam”, in Mandel'shtam O. *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya* [Essays: in 2 vols., vol. 1: Poems], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, pp. 5–64.
- Mamedova, D.N., ed. (2011), *Averintsev i Mandel'shtam: stat'i i materialy* [Averintsev and Mandelstam. Articles and materials], RSUH, Moscow, Russia. (*Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva*; iss. 17)

## Информация об авторе

*Лилия Б. Брусиловская*, кандидат культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ikond@mail.ru

## Information about the author

*Liliya B. Brusilovskaya*, Cand. of Sci. (Cultural Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ikond@mail.ru